

делья или спали на прилавках или резались в карты или в дамки. Серпион на площади еще громче начал орать «держи, держи!»

Публика из лавок повыскакивала, чтобы поглядеть на невиданную и пока непонятную ни для кого картину, — впереди корова, за ней благим матом орущий Серпион, а сзади, усталый, вспотевший поп Фалалей в костюме хохла-прасола, торговца скотом, каких много приезжает на донские ярмарки. Серпионика бежал и на бегу объяснял торговцам, в чем дело. Те были очень довольны — хоть какое нибудь развлечение в эту скучную пору, когда бездельный человек не знает, куда себя девать, всласть по-

смеялись и пригласили Серпиона придти и подробно рассказать всю эту историю о попе и его корове.

— Ну, вот, папаша, слава Богу, и потаврили коровку — теперь можно и в табун ее пускать, — поздравил попа Серпион.

— Спасибо, радость моя, дитя мое; только, думаю я, не нарочно ли ты всю эту комедию проделал, Серпион Петрович, дитя мое. От тебя, чортова на тебе голова, всего можно ожидать.

— Нет, нет, папаша, не сумлевайтесь ни сколько. Прощайте, папаша.

А. Бояринов.

Николай Келин.

Завивай, ветерочек, мети,
Мои песни на нитку нанизывай,
На своем быстрокрылом пути
Мои разы скорее зализывай.

Переливом цветистым одев
Звуки лиры моей монотонные
Ты, в станицы, на Дон, прилетев,
Разбуди там головушки сонные.

Расскажи, как в чужой стороне
Казачья поредевшая рать
Собирается вновь по весне
За покинутый Дон умирать.

Завивай, ветерочек, мети,
Мои слезы на нитку нанизывай,
Не собьюсь я с прямого пути,
Ветерок мой пуховенький, низовый.
(Из книги стихов автора. 1937 г.)

КАЛИНЧЕНКОВ.

Суд свободного поэта

Трехвековая совместная жизнь казаков и русских в одном государстве (именно бок-обок) породила целую плеяду людей и среди русских и среди казаков, которые не только психологически, но и кровно носят в себе два начала — русское и казачье, свои симпатии, свою любовь делят между Россией и Казачеством, одинаково обоим любят, одинаково за них болеют душой и страдают при столкновении их жизненных интересов. Моральное состояние этих людей печальное; их душевное раздвоение, их муки особенно обостряются, когда эти два народа схватываются в борьбе за свои интересы.

Недавно вышедший сборник стихотворений Николая Келина — наиболее яркий образец такого душевного раздвоения. Поэт

Николай Келин безусловно носит в себе два начала — казачье и русское, и в его душе идет длительный процесс борьбы между Россией и Доном, как между отцом и матерью. Отец его — жесток, несправедлив и разбоен, и сын в отношении его сперва беспощаден. Мать его нежна и правдива, и любовь сына всецело на ее стороне. К этому прибавляется еще неизгладимая рука деда-казака, «седого артиллериста», который, видимо, глубоко вложил в душу внука любовь к Дону.

Поэтому, когда отец и мать сцепились в борьбе за жизнь, молодой Келин, наверно, оседлал коня и выехал в степь с казаками, чтобы помочь им защитить «свой порог и угол», отстаивать свою волю и самобытность.

Дальше он безусловно видел отчаянную, героическую борьбу казаков и глубоко почувствовал правду в этой борьбе. С другой стороны, со стороны русских, он не мог не видеть жестокие, звериные насилия над казаками, потоками льющуюся казачью кровь из под ножа русских, зарева пожаров горящих станиц. Душа поэта в этот период всецело на стороне Дона, и он поет:

«Ну, кормилица степь, выноси казака!
Заклубилась пыль по дороге —
Из далекой Москвы, от Орла, Токмака
Саранчею ползут к нам **вороги**.
Коль заржавела шашка — наточим ее
В первой схватке с лихим **супостатом**.
И заблещет опять серебром лезвее,
И напомним былое **проклятым**».

Или:

«Вот она, Русь бесталанная,
Вот она, мать окаянная,
Господи Исусе Христе —
Дон наш распят на кресте».

Но выйдя из сфер огня, временем заглушив злобу и горечь, два десятка лет проведя на чужбине, видя страдания, позор и унижения России, он проникается к ней, как к несчастному отцу, чувством жалости и любви. Грустя по прежнему по обескровленному Дону, он болеет уже и за Россию. Душа поэта с этих пор раздвоена, любовь его разделена. Как ребенок несчастных супругов, сперва, когда душа его еще чиста, всегда бывает на стороне слабой, обиженной и ласковой матери, а потом когда вырастет и войдет в ум, переходит к отцу, так и наш поэт постепенно начинает переходить на сторону России, изменяя ограбленному и обескровленному Дону. Человек начинает брать верх над поэтом, разум над сердцем. Вот почему в песнях поэта, с течением времени, уже слышится душевное раздвоение и борьба двух начал.

«И Русь и Дон, как будто в лихорадке,
Стараюсь в памяти восстановить ясней;
Но путь, мой путь, так непривычно краткий,
Летит во тьму, как стая лебедей».

Или:

«Сторона-ль ты моя сторона,
Голубая озерная вода,
Только ты мне на свете одна
Мое сердце могла **расколоть**».

Возникновение казачьего освободительного движения в эмиграции, в которое втя-

гиваются почти все казаки-друзья Келина, еще больше обостряет борьбу двух начал в душе поэта. В то время, как молодые поэты из природных казаков, как напр., П. Поляков, И. Колесов, Б. Кундрюцков, Ю. Гончаров, К. Поляков, П. Крюков и др., без сомнений и оглядок посвящают свои таланты всецело освободительной идее Казачества, у Келина душевное раздвоение углубляется. Он буквально мечется в сомнениях между Доном и Россией. Это безусловно личная трагедия поэта. Его переживания настолько искренни и глубоки, что вызывает невольную грусть. К сожалению, народ не принимает раздвоенную любовь. Он требует человека целиком. И едва ли удастся Келину сохранить любовный нейтралитет, когда разгорится —

«там бой, кровавый смертный
Племен враждующих во-веки».

Для нас стихи Келина интересны тем, что этот поэт не может быть заподозрен в пристрастии. И формально и фактически Келин был и остается (по крайней мере на протяжении своего первого сборника) вне политики. Он не наш и не их. Он еще свободен, и песня и слезы его вольны. Его творчество, выявленное в этом сборнике, безусловно является верным отражением правды, судом свободного поэта, и он на стороне Казачества. Россию он может жалеть и любить, но вину ее, грех перед Казачеством, свободный голос поэта запечатлел четко:

«От Петра до безумного Павла,
Что, Москва, дала ты нам?
Много буйных голов лишь сняла
По запольным бурунам».

Возможно, что в дальнейшем поэт политически уклонится в сторону «окаянной и бесталанной», но крика своего сердца едва ли удастся ему заглушить. Человеку, который добровольно и искренне пел:

«Этим людям, что к нам приходят,
Меж лопаток всадил-бы нож».

Или:

«Не пойду на Север — нет туда дороги,
Все тропинки в степи заросли травой»

— едва ли удастся изменить свое настроение. Сколько бы умом он ни стремился к России, а сердце будет ныть по обиженному и обескровленному Дону, ставшему по-

эту ласковой матерью. Недаром и сам поэт признается:

«Бессилен я — бунтующей природе
Не ставит граней бледный разум мой»...

Помимо верно отраженного процесса интересной психологической борьбы, кроме недвусмысленного морального оправдания борьбы Казачества против русского насилия и разбоя, стихи Келина, в то же время, — прекрасное литературное творчество. Звучность и певучесть слога, картинность образов, нежная лирика, своеобразный казачий колорит в языке — все это делает сборник его стихов ценным вкладом в молодую казачью литературу.

С. САВЕЛЬЕВ.

Разгул красного террора

Мы от СССР отделены непроходимым красным чертополохом. При всем нашем желании понять все то, что там творится, мы не в состоянии до конца понять все там происходящее. Московские агенты и буржуазные дегенераты рисуют молочные реки в кисельных берегах. С другой стороны, по нашей собственной информации, там существует только крошечный ад. Говорят, что истину надо искать в золотой серединке. В данном случае, этот совет, кажется, не годится. Жизнь «там», вероятно, приближается именно к аду. Во всяком случае, из приводимого ниже случайного, отрывочного, конечно, не полного списка расстрелянных чекистами людей никак нельзя вывести заключение о райской «там» жизни.

Это — только имена жертв, попавшие на страницы советской прессы. А сколько убитых жертв в подвалах чека, имена коих не попадают на страницы печати! И это в мирное время, в «стране осуществленного социализма»!

Итак, приступаем к перечислению имен рабов Божиих, расстрелянных во славу «великого, мудрого и единственного Сталина».

По сообщению «Восточно-Сибирской Правды» (20 авг.) расстреляны 34 железнодорожника за саботаж и троцкизм.

По сообщению Ленинградской «Правды», военсудом приговорены к расстрелу 22 августа девять членов троцкистско-зиновьевской организации.

«Красная Газета» от 21 августа сообщает: Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил к расстрелу восемь человек: М. Давилова, А. Курочкина, И. Тумченко, Н. Павловского, Г. Лысенко, В. Федорова, А. Докучаева, Ф. Кудовито.

«Восточно-Сибирская Правда» сообщает, что 20 августа расстреляна банда троцкистов из 32 человек.

По сообщению агентства «Гавас», в Новорос-

Интересно, — по какому пути пойдет дальнейшее творчество этого поэта. От одного я бы хотел предостеречь его: не дай Бог превратиться в придворного поэта у какого-нибудь «царя Солоневича». Лучше уж сохранить свободу и петь или плакать так, как хочется. Пусть он поет для себя, изливает душу перед самим собой. Это будет лучше, чем пел бы он с чаркой в руке перед каким-нибудь «вождем». Соловьиная трель тем и хороша, что льется она ни для кого, для всех, понимающих и чувствующих. Посвящение творчества идее, служение своим талантом ей — дело великое. Но не всем это дано. Для этого у поэта не должно быть сомнений и душевного раздвоенья.

сийске присуждена к смертной казни Нина Введенская, ведавшая снабжением водой местного вокзала и вливавшая серную кислоту в графины с водой, предназначавшиеся для поездов с возвращавшимися с каникул детьми.

«Курская Газета» от 23 августа сообщает о разборе военным трибуналом Ленинградского округа дела участников контр-революционной троцкистско-террористической диверсионной организации и что «военный трибунал за указанные контр-революционные преступления всех перечисленных диверсантов приговорил к расстрелу».

«Ленинградская Правда» сообщает, что военный суд приговорил к расстрелу двух надзирательниц детского сада, Георгиевскую и Иванову, признанных виновными в попытке отравления двенадцати детей.

По сообщению той же газеты суд приговорил семерых виднейших советских служащих в Острове к расстрелу.

В Тифлисском суде слушалось дело 11 грузин, обвиняемых в контр-революции. Разумеется, все они будут приговорены к расстрелу.

В Ростове на Дону шел процесс 13-ти «троцкистов», обвиняемых в намерении отравить скот. Расстрел их не подлежит сомнению.

Тифлисская «Заря Востока» сообщает, что военный суд приговорил к расстрелу 7 человек, в том числе 6. председателя райкома Алавердашвили, секретаря райкома Цитладзе.

«Красная Газета» № 1936 приводит приговор коллегии Ленинградского областного суда, приговорившего к расстрелу семь ответственных партийных работников.

3-го сентября, покончил с собой председатель Совнаркома Украины — Любченко.

«Ленинградская Правда» сообщает, что военный суд приговорил к смертной казни десять членов контрреволюционной организации, действовавшей на заводе «Красная Заря».